

ЗА СТЕНОЙ

НАТАЛЬЯ ФОНАРЩИК

Наталья Фонарщик

За стеной

«Издательские решения»

Фонарщик Н.

За стеной / Н. Фонарщик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903902-6

Основано на реальных событиях. Имена вымышлены. Колосс на глиняных ногах — постсоветская пенитенциарная система — как он работает в реальности, и кто удерживает баланс? Записки молодого тюремного врача о жестоком мире, в котором трудно сохранить человечность — но возможно.

ISBN 978-5-44-903902-6

© Фонарщик Н.
© Издательские решения

За стеной

Наталья Фонарщик

Дизайнер обложки Надежда Сорочинская

Редактор Светлана Воронцова

© Наталья Фонарщик, 2018

© Надежда Сорочинская, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-3902-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы сидели и курили на подоконнике в смотровом кабинете. К стенам, выкрашенным белой и зелёной краской, были придвинуты обшарпанный стол, небольшой шкаф и кушетка. Здесь не было ни одного нового предмета, всё казалось погружённым в прошлое. Однако придирчивый взгляд не запнулся бы о признаки небрежности – идеальный порядок, ни пылинки, аккуратные заплатки на видавшим виды дерматины. Впрочем, вряд ли здесь старались ради комфорта пациентов.

Напротив сидела молодая врач, Ольга, старше меня на несколько лет. Это она пригласила меня сюда на работу. Когда-то она училась в одном классе с моей старшей сестрой, однако потом их дорожки разбежались в разные профессии. Ольга закончила ординатуру как онколог, но в этих стенах трудилась по более широкому профилю – хирургом. Я же недавно прошла интернатуру по травматологии. Дым от наших сигарет медленно утекал в раскрытое окно, смешиваясь в прохладном воздухе с запахом цветущей сирени.

– Эти ребята в коридоре, ангелочки в белых костюмах – санитары, – произнесла Ольга. – Они тоже заключённые, но на хорошем счету у охраны. Они вполне дружелюбны и всегда готовы помочь. Но всё же доверять им нельзя.

– Ммм? – Я глянула на неё вопросительно, собранная и настороженная, словно на прогулке по джунглям, среди подозрительных шелестов и незнакомых звериных голосов. Тем не менее, я старалась не показывать своей неуверенности и ничему не удивляться. Как показывал опыт, чем опаснее становится мир вокруг, тем большую роль играет обычное спокойствие, пусть даже только внешнее.

– Как только дневная работа заканчивается, и все наши расходятся по домам, – Ольга продолжила таинственным голосом, – в больнице остаются только дежурный врач и по одной медсестре на отделение. Ну, понятно, санитары и пациенты... И вот тут-то ангелочки превращаются в чёрных чертей!

Она улыбалась, но глаза оставались серьёзными. Возникло ощущение, что Ольга не шутит. Это напрягало. Я не знала, чего ждать, и понимала, что передо мной – лишь верхушка айсберга, – мирные и приветливые мальчики в коридоре – и неведомо, что скрыто в омуте. Ольга продолжила:

– Они к вечеру переодеваются в обычную одежду, чёрную, как все зэки – правило такое. Санитары очень хотят поскорее выйти по УДО, поэтому они пайныки и всегда тебе помогут. Но они всё равно – часть тюремного общества и должны следовать местным неписаным законам. Так что лучше всего держись от них подальше и не налаживай никаких личных связей.

– А есть же здесь неподалёку охрана? На всякий случай, – решила уточнить я. Больница была построена зэками в 1930-е, в самом центре тюремной зоны, и представляла собой коренастое двухэтажное здание; в кривоватой бетонной лестнице не было двух одинаковых ступеней, да и плоскость пола вряд ли выдержала бы проверку на геометрическую правильность. Однако «криво» не значит «хлипко», и здание как неутомимый мастодонт шествовало сквозь года. Казалось, оно простоит ещё не одну сотню лет.

Чтобы добраться до места работы, сотрудники больницы проходили через четыре КПП. На первых двух работала охрана, но другие проходные стерегли дежурные зэки.

– Охрану же можно позвать, если что?

– Не, поблизости нету. Но в ординаторской тревожная кнопка, я тебе покажу.

– Ага, хорошо...

– Правда, толку от неё немного, она только днём работает. Ночью санитары её вырубят. Они знают, где проходит провод.

– Но зачем они так? – Удивилась я, представляя себя в ночи в окружении одних лишь незнакомых зэков, и непроизвольно сделала слишком большую затяжку.

– Ну, на всякий случай, – улыбнулась моя собеседница. – Думаю, им нравится, что они хотя бы что-то здесь могут контролировать.

– Давай начистоту, – сказала я. – Насколько опасно тут работать?

Ольга помолчала несколько секунд и подняла ко мне невозмутимое лицо. Её способность управлять своими эмоциями была просто блестящей. Она выглядела как человек, получающий искреннее удовольствие от своей сигареты, от этого весеннего, солнечного дня, от цветущей сирени и приятного разговора. Но мы были в самом центре тюрьмы! Стены вокруг нас, покрытые слоем старой краски, вдруг показались мне *слишком* реальными, грубыми, монолитными, шероховатыми как шкура древнего животного. Где-то внутри меня замигала одинокая красная лампочка, вступая в непримиримое противоречие с вселенской гармонией, сияющей на Ольгином лице.

– Ну, может быть, немного. Следуй правилам безопасности, и всё будет в порядке. Тебе не нужно опасаться каких-то народных волнений здесь. Если что-то подобное нарисуеться, санитары всегда будут на твоей стороне. И вероятность такого совсем незначительна. В последний раз они сходились стенка на стенку в девяностых. И к тому же, представь, что некоторые наши сотрудники здесь всю жизнь, и ничего. Тебе надо так себя поставить, чтобы зэки тебя уважали, и тогда будет проще работать.

– Думаешь, получится? – Моя неуверенность прорвалась наружу.

– От тебя зависит. Для начала... Ты замужем?

– Нет, но мы живём вместе, – это был неожиданный вопрос для меня. – А какая разница?

– Ну, ты симпатичная молодая девушка, и не исключено, что кто-то из них начнёт к тебе подкатывать. Они умеют быть такими обходительными очаровашками! Но глаз с тебя не спустят. Просто помни, что они – зэки, и сидят по вполне конкретным статьям, кто за что: грабители, наркодельцы, убийцы всякие... У них тут развлечений немного, и на охмурение тебя они запросто могут делать ставки, – она выглядела как биолог, вдохновенно рассуждающий о крайне занимательном поведении диких животных.

– Тут ты не беспокойся, пожалуйста. Три года в травмпункте – у меня нормально с критичностью! – Я старалась придать себе самоуверенности.

– Окей, – она пожала плечами. – Нам пришлось в том году уволить одну молоденькую медсестру. Она влюбилась в пациента, романтическая дурочка. Для них это была просто бомба!.. Нам надо держать дистанцию, – ради собственной безопасности. И вот ещё что. Они всегда испытывают новых сотрудников на прочность.

Я не была удивлена. В интернатуре едва ли не каждый травматолог считал своим долгом проверить меня «на прочность», потому что мне, по их мнению, не следовало выбирать такую «мужскую» специализацию. Каждый день я отправлялась на учёбу как на фронт. Преодолевая бесконечные придирки, я почти наизусть выучила несколько толстенных учебников, и тут же попала в другую ловушку: меня стали считать кабинетной занудой-ботаником, и не давали достаточно ассистенций и другой практической работы, позволяющей оттачивать навыки. Каждый встречный-поперечный полагал необходимым потратить своё время, объясняя, почему девушке не следует идти в травматологи. Эта битва была долгой и изматывающей, однако свой сертификат я получила... Но как же меня могут испытывать заключённые, которые в медицине смыслят явно не больше деревенского тракториста?

– Мне к чему-то надо подготовиться? – Поинтересовалась я.

– Могу поспорить, что в первые несколько дежурств у тебя будут умирать больные, – её слова застали меня врасплох. Такого поворота я не ожидала.

– Ты имеешь в виду, из-за того, что у меня мало опыта, или?.. – Я растерялась, но мозг работал довольно быстро. Что же, получается, они примутся убивать друг друга только чтобы развлечься и поглядеть на мою реакцию? Этот вопрос я задавать не стала, мы обе и так прекрасно всё поняли.

– Не совсем. Представляй это себе как роковое стечение обстоятельств. Просто как-то так выходит, что каждый раз, когда приходит новый врач или медсестра, в первые дежурства кто-нибудь умирает. За тем, как ты себя поведёшь, будут очень внимательно наблюдать и санитары, и вся больница. Им же надо понять, что ты за птица. Так что демонстрируй уравновешенность.

Она извлекла пепельницу из ящика стола, мы аккуратно потушили бычки и направились в ординаторскую – составлять план моих дежурств.

Прежде чем заступить на первое ночное дежурство, я несколько дней входила в курс дела, узнавая местные порядки и особенности. Новые коллеги возлагали большие надежды на моё появление, потому что потребность в докторе-дежурante была очень высока, и каждый из них устал брать дополнительные ночные смены, залатывая кадровые бреши собственным гуманизмом. По правилам, процедура оформления работника в такое заведение должна быть весьма продолжительной, – не знаю, каких ангелов планировал видеть в стенах тюрьмы тот, кто писал эти инструкции, но специально обученные люди в форме наводили справки о моей семье едва ли не до седьмого колена. «Вдруг твоя бабушка – агент Моссада?» – смеялась Ольга. Мне объяснили, что на такую работу стараются не брать, например, тех, чьи родственники сидели в тюрьме или живут за границей. При этом сотрудников в тюрьме не хватало, и соблюдение подобных регламентов «на безрыбье» попросту создавало учреждению надуманные, дополнительные трудности. Как будто им было из кого выбирать! Как бы то ни было, реальная жизнь очевидно отличается от бумажной, и поскольку все это понимали, я приступила к работе до того, как официальное оформление было завершено.

В первый день меня вызвал к себе начальник охраны. Его кабинет выглядел по-спартански, но над столом был размещён портрет президента в золочёной рамке, а перед начальником красовался дорогой письменный набор из змеевика. Впрочем, в данных обстоятельствах богато сверкающие маленький глобус и вертикально торчащее перо выглядели дешёвой бутафорией.

Начальник задавал вопросы про моё обучение и место жительства, про ближайших родственников.

– Были ли ваши родители судимы? – Поинтересовался он казённым голосом. Я ответила отрицательно. Мои родители развелись, когда мне было четыре, и я многие годы не видела своего отца.

Через пару дней он пригласил меня снова и сообщил, что информация неверна. Оказывается, когда мой отец был юн и зелен, его уличили не то в мелкой краже, не то в хулиганстве. Для меня это оказалось сюрпризом, о чём пришлось тут же составить объяснительную. Ручку начальник мне щедрым жестом предоставил, – не из змеевика, а из погрызенного пластика, вынутую из кармана. Моё трудоустройство в этот день висело на волоске, однако необходимость «прикрывать» ночные дежурства по больнице оказалась весомее регламентов.

После короткого разговора по телефону с начальником больницы мой собеседник сменил маску цербера на боярскую: теперь выходило, что только благодаря его великодушию я могу остаться на этой работе мечты. Я подыгрывала ему, с уважением кивая головой. Уже прощаясь, он вдруг сделал паузу и сообщил серьёзным голосом, что мне не следует афишировать моё новое место работы ни друзьям, ни в социальных сетях. Дело в том, что у заключённых на свободе остаются связи – родственники и знакомые, – которые могут точить зуб на пенитенциарную систему. И вряд ли они станут разбираться, кто прав, кто виноват, а отомстить сотруднику «органов» несложно, достаточно лишь подкараулить его в тёмной подворотне.

Я начала обживаться на новом месте. Наша больница была отделена от обычной городской среды четырьмя блокпостами. На первом мы должны были оставлять телефоны и ценные вещи. Однако Ольга сообщила мне, что достаточно сказать даме в окошке, что телефона у меня с собой нет. Конечно, существует риск, что заключённые исхитрятся и выкрадут сотовый из моего кармана. А ещё они могут донести охранникам о нарушении правил. Поэтому мобильник не следует показывать ни людям в форме, ни санитарам, ни пациентам.

– А что будет, если выкрадут? – Поинтересовалась я. – Они же побег с его помощью могут организовать?

– Я тебя умоляю, – Ольга посмотрела на меня как на ребёнка. – Сперва они позвонят родным, а потом спустят весь твой баланс на звонки проституткам, вот и всё веселье.

На втором КПП я демонстрировала свой новенький пропуск, прикладывала палец к считывающему устройству и проходила через рамку металлоискателя. По всей видимости, рамка не работала, потому что мне ни разу не довелось наблюдать, как она обнаруживает спрятанные в карманах телефоны, ключи или вообще хоть что-нибудь. После этого пункта женщинам-сотрудницам было запрещено передвигаться по территории без сопровождения мужчины. Было забавно, когда стайке здоровых и полных сил дам приходилось дожидаться какого-нибудь щуплого лейтенанта. Когда мы шествовали все вместе, со стороны, должно быть, сложно было понять, кто же в этой компании кого охранял. Однако правило оставалось нерушимым. Мы прилежно стояли около двери и ждали случайного попутчика мужского пола. Чтобы не заставлять женщин долго ждать, по территории тюрьмы резво перемещались так называемые «бегунки» – заключённые, в функцию которых входило сопровождение. «Бегунки» были очень предупредительны и вежливы, однако чувствовали своё привилегированное положение по сравнению с остальными зэками, и им ничего не стоило не только грубо окрикнуть, но и оттолкнуть с дороги не слишком расторопного товарища в чёрном, подметающего асфальт.

Затем немногочисленные в общем сотрудницы разбредались по территории кто куда: в пищеблок или другие хозяйственные помещения, в больницу. Меня проводили через третий и четвёртый КПП; оба они представляли собой большие железные ворота на автоматических замках, управляемых дежурными зэками. И это всегда казалось мне несколько абсурдным: заключённые опасны, и поэтому существует столько правил, блокпостов, кирпичных

и бетонных стен, колючей проволоки. Но кто же защищает нас, гражданских, от этих страшных людей? Сами же заключенные.

Весна на территории тюрьмы диаметрально отличалась от той, что царила в городе. Из мира дорожной грязи, мусорных куч на обочинах и не прикрытой травой пыли, в которую колёса автомобилей со временем превращают землю на стихийных парковках, каждое утро я попадала в мир безупречной чистоты. Здесь, за кирпичной стеной, увенчанной колючей проволокой, газоны с ранними цветами не были испорчены ни одним окурком, асфальт всегда был тщательно подметён, и каждый уголок на плацу между вторым и третьим КПП напоминал своей чистотой парадный проспект ранним утром в день города. Вся территория могла бы походить на прекрасный парк или сад, будь здесь поменьше бетона, асфальта и стен. И если бы навстречу попадались другие лица – менее напряжённые и землистые, без затаённой пружины готового к прыжку зверя во взгляде. В один из моих первых дней я, ожидая «бегунка» на крыльце после второго блокпоста, наблюдала, как под проливным дождём дежурные уборщики механически и совершенно безнадежно продолжали подметать несчастный плац, хотя потоки воды и без того смывали с него последние пылинки. Вероятно, эки просто отрабатывали свои положенные часы, в течение которых было регламентировано – подметать. Учитывать в правилах погодные условия? Ну что вы, какие мелочи...

Иногда мы с Ольгой обедали вместе в столовой. Там трудились несколько женщин из гражданских, и им помогали заключённые – молодые юноши, расторопные и чрезвычайно вежливые к сотрудникам. Своим профессионализмом они были очень похожи на лучших официантов из городских ресторанов, однако их одежда и их глаза нарушали эту иллюзию. Я была удивлена, что всего за несколько рублей можно приобрести полный обед, простой, но вполне приемлемый – такую цену «на воле» я платила за полбуханки хлеба. Казалось, время здесь остановилось, и всё ещё царит Советский Союз: всё дёшево, незамысловато и словно только что сошло с какого-то особого пищевого конвейера. Яйца с майонезом. Перловка. Суп...

Очень быстро я поняла, что мои академические знания к реальности тюремной больницы не всегда применимы. Один опытный хирург – Анатолий Сергеевич, пожилой и добрый алкоголик с дружелюбной улыбкой – оперировал пациента с повреждённой ногой. Хирург смонтировал аппарат внешней фиксации, призванный удерживать сломанные кости в нужном положении: спицы, металлические скобы, полукольца. Я молча ассистировала. Однако когда мы вернулись в ординаторскую, воскликнула удивлённо:

– Какой странный аппарат вы сделали! Меня учили, что металлические дуги не должны касаться отёкших тканей, а у вас они вплотную, просто лежат на его ноге. У него же будет некроз!

– Увидишь, – ответил он спокойно, – он скоро будет бегать. Здесь всё иначе, эки находятся в экстремальных условиях, и их организмы мобилизуются максимально, как на войне. Окопный синдром – слыхала? Такой аппарат у любого в обычной больнице вызвал бы некроз, но только не у наших.

Несколько дней спустя я имела возможность убедиться в точности его прогноза: отёк у пациента, вместо того чтобы среагировать на корявый аппарат разрушением тканей, напротив, уменьшился, и в целом динамика обнадеживала.

В другой раз мне довелось наблюдать, как тот же Анатолий Сергеевич лечил больного с абсцессом. Он вскрыл очаг, как полагается, но после этого рекомендовал санитарам обрабатывать поражённое место не антисептиком, чего я логично ожидала, а хозяйственным мылом. Я остолбенела от изумления. Такого в учебниках не писали! Век тончайших цифровых технологий, уникальных хирургических материалов, искусства кропотливого врачевания на уровне мельчайших кровеносных сосудов – всё это было словно на другой планете, здесь о таком даже не слыхали. Хозяйственное мыло – что за варварство!

– У нас не хватает лекарств, – ответил Анатолий Сергеевич на мой потрясённый взгляд. – Нет даже достаточного количества обезболивающих и жаропонижающих. Дело в том, что наша больничная аптека находится на территории тюрьмы, и поэтому не имеет адреса. Мы просто не можем заказывать лекарства по тем же программам, что и обычные больницы. Система дурацкая, ловчим как можем. Некоторые препараты можно просить у родственников больных, но их всегда привозят с большой задержкой. А иногда у коллег выпрашиваем, из других больниц...

Его слова подтвердились уже на следующее утро, когда я, зайдя в ординаторскую, застала обрывок телефонного разговора Валерия Петровича, начальника больницы, с его старым другом из онкоцентра.

– И пожалуйста, дружище, своруй для меня тот препарат, а? Ты понимаешь, больного лечить нечем...

Придя домой, я выгребла свою аптечку, отложила кое-какие лекарства и на другой день принесла в больницу, процедурной сестре нашего отделения.

– Спасибо большое! – Искренне улыбнулась она.

– Я не уверена на самом деле, что мы можем использовать эти средства, – я была честна. – Срок годности вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.